

1

Вьюжным январским вечером 1991 года англичанин Джонатан Пайн, ночной администратор цюрихского отеля “Майстер-палас”, охваченный непривычным волнением, покинул место за регистрационной стойкой и прошел в вестибюль, чтобы прямо у дверей встретить позднего важного гостя, которому следовало оказать радушный прием.

Война в Персидском заливе только началась. Сводки о воздушных налетах союзников на Ирак, как ни смягчало их военное командование, вызывали панику на Цюрихской бирже. Гостиничные сборы, и без того низкие в январе, катастрофически упали. Не в первый раз за свою долгую историю Швейцария оказалась на осадном положении.

Однако “Майстер-палас” держался. “Майстер”, как называли его таксисты и завсегдатаи, в силу местоположения и традиции царил над Цюрихом — этакий обломок эдвардианской эпохи, вознесшийся на холм и свысока взирающий на лихорадочную суету города. Чем больше перемен происходило в низине, тем больше обособливался “Майстер”, неизменный в пристра-

ствиях оплот цивилизованного образа жизни в мире, летящем в тартарары.

Джонатан удобно устроился в маленькой нише между шикарными витринами магазинов модной дамской одежды. “Адель” на Банхофштрассе выставила соболий палантин, накинутый на манекен, чью наготу оттеняли лишь золотистое бикини и коралловые серьги, причем о цене предлагалось справиться у портье. Шумные протесты против использования натуральных мехов, будоражившие западный мир, громко звучали и в Цюрихе, но в “Майстер-палас” к ним оставались абсолютно глухи. А витрина “Сезара” — тоже на Банхофштрассе — призвана была усладить восточный вкус броско расшитыми вечерними туалетами, чалмами, усыпанными алмазной пылью, и часиками с драгоценными камнями — шестьдесят тысяч франков за штуку. Прикрытый с обеих сторон этими алтарями роскоши, Джонатан мог без помех наблюдать за парадным входом отеля.

Джонатан — плотный, но элегантный, с вежливовклончивой улыбкой — делал тайну даже из собственного английского происхождения. Он был энергичен, к тому же в полном расцвете сил. Бывалый моряк сразу признал бы в нем собрата по нарочитой скупости движений и своеобразной походке, какой передвигаются по шаткой палубе. Аккуратно причесанные вьющиеся волосы и густые брови борца довершали картину. Однако бесцветные, водянистые глаза сбивали с толку. От такого человека впору было ожидать больше страсти, больше ярких красок.

Мягкость манер в сочетании с атлетическим сложением придавала облику Джонатана интригующую выразительность. Его нельзя было спутать ни с кем

другим в отеле — ни с герром Стрипли, русоволосым главным администратором, ни с кем-либо из служивших у герра Майстера высокомерных молодых немцев, проплывавших мимо с видом богов, устремляющихся в горние выси.

Как администратор, Джонатан представлял собой редкое совершенство. Вам и в голову не пришло бы поинтересоваться, кто его родители, любит ли он музыку, есть ли у него жена, дети, собака...

Взгляд, которым он взял на мушку дверь, был наметанным, как у бывалого стрелка. В петлице торчала гвоздика. Ночью Джонатан не появлялся без этого украшения.

Непогода за окнами даже по январским меркам была устрашающей. Густые валы снега проносились через освещенный двор, словно волны обезумевшего штормового моря. Швейцары в ожидании большого заезда глазели в окна, где не наблюдалось ничего, кроме все той же неутомонной метели. “И не может Рупер явиться, — подумал Джонатан. — Даже если им удалось взлететь, самолет ни за что не сядет в такую погоду. Герр Каспар ошибся”.

Но герр Каспар, старший портье, никогда не ошибался. Если он выдохнул: “Ожидается прибытие”, оповещающая всех служащих по внутренней связи, то лишь неисправимому оптимисту могло померещиться, что самолет клиента отклонился от намеченного курса. Да и потом, стал бы он в такой поздний час лично руководить всеми гостиничными службами, если бы не ждал очередного сорящего деньгами воротилу? А было время, говаривала Джонатану фрау Лоринг, когда герр Каспар мог изувечить за два франка и придушить — за пять. Но старость не радость. И лишь перспектива

урвать солидный куш способна была оторвать его вечером от телевизора.

“Боюсь, что отель переполнен, мистер Роупер, — мысленно импровизировал Джонатан, совершая последнюю отчаянную попытку избежать неизбежного. — Господин Майстер приносит свои извинения. Это непростительная ошибка временного сотрудника. Тем не менее мы забронировали для вас номера в «Бауролак»...” И дальше — в том же духе.

Но и этой фантазии не суждено было осуществиться. Во всей Европе не нашлось бы в ту ночь отеля, заполненного более чем наполовину. Состоятельные люди планеты сидели дома, за исключением Ричарда Онслоу Роупера, коммерсанта, Нассау, Багамские острова.

Руки Джонатана онемели. Он машинально встряхнул ими, будто готовясь к поединку.

Во двор въехал, судя по звуку радиатора, “мерседес”. В лучах его фар замельтешили снежные хлопья. Джонатан увидел, как герр Каспар вскинул величественную голову и свет люстры растекся по его напояженной шевелюре. Автомобиль припарковался в дальнем углу — обычное такси. Голова Каспара в снопах искусственного света подалась вперед и снова склонилась над последними биржевыми сводками.

Джонатан позволил себе мягко улыбнуться — ох, уж этот парик, этот пресловутый парик! Предмет гордости лучшего портье Швейцарии, обошедшийся герру Каспару в сто сорок тысяч франков. Как говорила фрау Лоринг, он в этом парике сущий Вильгельм Телль! Ведь это он бросил вызов тирании мадам Арчетти, миллионерши.

То ли для того, чтобы сосредоточиться, то ли потому, что история с париком имела косвенное отно-

шение к его нынешнему затруднительному положению, Джонатан вспомнил, как он впервые услышал ее от фрау Лоринг, главной кастелянши, угощавшей его в своей мансарде сыром под белым соусом.

Семидесятипятилетняя фрау была родом из Гамбурга. В свое время она нянчила герра Майстера и, по слухам, спала с его отцом. Она была хранительницей легенды о парике, живой свидетельницей событий.

— В те времена мадам Арчетти считалась самой богатой женщиной в Европе, молодой герр Джонатан, — рассказывала фрау Лоринг, напирая на слово “молодой”, будто с его отцом она спала тоже. — Любой отель почел бы за честь принимать ее у себя. Но она предпочитала “Майстер”, пока Каспар не решил настоять на своем. Разумеется, и после того случая она оставливалась у нас, но только чтобы напомнить о себе.

Фрау Лоринг поведала далее, что мадам Арчетти унаследовала капиталы торговой фирмы “Арчетти” и преспокойно жила себе на проценты с процентов. В пятьдесят с небольшим ей нравилось разъезжать в открытом спортивном автомобиле по лучшим европейским гостиницам в сопровождении автофургона с целым штатом прислуги и гардеробом. Она знала по именам всех портье и метрдотелей, начиная с “Четырех времен года” в Гамбурге и кончая “Чиприани” в Венеции и “Виллой д’Эсте” на озере Комо. Она назначала им диету, предписывала лекарственные травы и знакомила их с их же гороскопами. И она одаривала неслыханными чаевыми тех, кто заслуживал ее милость.

“А Каспар просто купался в ее любви”, — говорила фрау Лоринг. Это приносило ему не менее двадцати тысяч швейцарских франков в год, не говоря уже о всяческих снадобьях для роста волос, колдовских камнях

под подушкой, избавляющих от ревматизма, а также на Святки в невообразимых количествах белужьей икры, которую Каспар умело превращал в наличные благодаря связям с лучшим гастрономом Цюриха. И все эти блага за несколько заказанных билетов в театр и несколько забронированных столиков в ресторане — с чего ему, кстати, тоже причитались проценты. И еще — за неустанные доказательства безусловной преданности, которой требовала мадам Арчетти, игравшая роль владычицы в царстве прислуги.

До того дня, когда герр Каспар явился в парике.

“Нельзя сказать, чтобы он слишком поспешил с этой покупкой”, — уверяла фрау Лоринг. Для начала он купил участок земли в Техасе, использовав знакомство с нефтяным магнатом, постоянным клиентом отеля. Вклад оправдал себя, дело процветало, и Каспар извлекал немалую прибыль. В конце концов он решил, что, как и его покровительница, достиг таких высот богатства и успеха, что вправе стряхнуть с себя несколько лет.

Долгие месяцы длились многочисленные примерки и жаркие споры. Но вот дело было сделано, и чудопарик, не имеющая себе равных подделка, явился на свет. Чтобы хорошенько опробовать его, Каспар воспользовался ежегодным отпуском на острове Миконос. И в один из сентябрьских понедельников Каспар появился на рабочем месте загоревшим и сбросившим лет пятнадцать, если не глядеть на него, скажем, с балкона.

“Да никто и не глядел”, — добавляла фрау Лоринг. Или не показывал виду. Самое поразительное было то, что никто и словом не обмолвился о парике. Ни фрау Лоринг, ни Андрэ, тогдашний пианист, ни Брандт,

предшественник метра Берри в ресторане, ни господин Майстер-старший, у которого был острый глаз на малейшие изменения во внешнем виде подчиненных. Казалось, весь отель сговорился погреться в лучах второй молодости герра Каспара. Сама фрау Лоринг рискнула надеть открытое летнее платье и чулки со швом-змейкой.

Все шло прекрасно до того вечера, когда приехала мадам Арчетти, намереваясь, как обычно, месяц провести в Цюрихе. Как обычно, вся ее гостиничная семья выстроилась в вестибюле для приветствия: фрау Лоринг, метр Брандт, Андрэ и герр Майстер-старший, готовый лично сопровождать мадам в отведенные ей в Башне покои.

А за регистрационной стойкой — герр Каспар. В парике.

“Начать с того, — рассказывала фрау Лоринг, — что мадам не позволила себе обратить внимание на изменение во внешнем облике любимчика”. Она улыбнулась ему на ходу, но такой улыбкой, какой принцесса на первом в жизни балу одаривает всякого, кто осмелится взглянуть на нее. Герру Майстеру она подставила для поцелуя обе щеки, метру Брандту — одну. Фрау Лоринг была удостоена улыбки. Потом ее руки легко скользнули по хилым плечам пианиста Андрэ, и тот блаженно промурлыкал: “О, мадам!” Только после этого она добралась до Каспара.

— Что это у вас на голове, Каспар?

— Волосы, мадам.

— Чьи волосы, Каспар?

— Мои, — невозмутимо отвечивал тот.

— Снимите их, — повелела мадам, — или вы больше не получите от меня ни пенни.